

Не будьте Гаурдака
Не ходи, Эссельте,
замуж

5

Светлана Багдерина

Не будите Гаурдака

Светлана Багдерина

Не ходи, Эссельте, замуж

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Багдерина С.

Не ходи, Эссельте, замуж / С. Багдерина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Не будите Гаурдака)

Иван, Серафима и их друзья примчались в Гвент за третьим Наследником – но там их ждала неудача. Король Конначта в плену, его сын тяжело ранен, а дочь Эссельте отправили подневольной невестой в лапы врага – обменять на отца. Не спешите они, история Гвента пошла бы своей сварливо-мрачной чередой, а не кувырком и вверх тормашками, мешая в кучу-малу уладов, щупальцеров, сикхё, втуков, гайнов, единорогов и когтерылов. И самое главное теперь для Наследников – найти в этой круговерти себя и вернуться на Белый Свет.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	30
-----------------------------------	----

Светлана Багдерина

Не ходи, Эссельте, замуж

В Большом зале пиров королевского замка Гвента приглушенный гул голосов смешивался с едким дымом священных трав, убойным ароматом подгоревшей вепрятины, слабым, почти теряющимся в оранжево-желтых отблесках многочисленных факелов светом закопченной хрустальной люстры под таким же закопченным потолком, и создавал атмосферу настороженности, выжидания и стыдливой неловкости.

Приглашенные на прощальный пир сидели, уткнувшись носами и бородами в свои ломти хлеба, служащие им блюдами, тарелками и скатертями одновременно, и с немногословной сосредоточенностью раздирали руками наваленные перед ними куски мяса, безрадостно прихлебывая потин из бронзовых кубков. Там, где в иное время звучала бы похвальба, шутки и дружеская перепалка,¹ время от времени перекатывался лишь тусклый звон кубков о глиняные бутылки с потином да выдавленные через силу комментарии в адрес меню, чтобы хоть как-то заполнить гнетущую, наполненную чуждыми, пустыми звуками, тишину.

Хотя, если присмотреться, то было еще одно занятие, выполняемое гостями через силу.

Собрав всю волю в кулак, пирующая знать демонстративно не смотрела в одну сторону.

В сторону единственного пустого места во главе переполненного стола. Пустого места, зиявшего для всех пришедших этим вечером подобно провалу в ткани реальности, подобно проходу в иной мир, подобно несмысляемому пятну на коллективной совести Гвента.

Пятну позора.

По правую руку от незанятого трона прислуга перед началом пиршества принесла широкую длинную скамью, постелила свежего сена, накрыла его медвежьей шкурой, набросала подушки, и теперь на этом месте полусидел-полулежал молодой человек лет двадцати пяти. Глаза его были закрыты. По бледному лицу то и дело пробегали волны боли – физической ли, душевной – нескромному наблюдателю оставалось лишь гадать. Бескровная рука кронпринца слабо сжимала ножку серебряного кубка. Самые соблазнительные кусочки мяса медленно остывали перед ним нетронутыми с начала пира.

По левую руку от пустующего трона сидел – пока вдруг не поднялся с места – длинный жилистый старик с гривой седых волос, тщательно уложенных в творческом беспорядке, и искусно взлохмаченной бородой.

– Тишины прошу! – надтреснутым, но звучным голосом прокашлялся он, и теплящаяся еще в вечеринке жизнь замерла окончательно.

– Провожая нашу милую Эссельте в последний путь, – сурово окидывая пронзительным взглядом аудиторию, притихшую, как мыши перед кошкой, – мне хочется сказать ей в напутствие несколько ласковых слов мудрости.

Слуга в зеленой с желтыми рукавами ливрее подскочил к занавешенному тяжелой пурпурной портьерой проему и торопливо отдернул ее в сторону.

– Его премудрие архидруид Огрин хочет сказать ее высочеству принцессе Эссельте пару ласковых! – добросовестно передал он в женскую половину зала пиров, открывшуюся перед косыми сконфуженными взглядами гостей.

Стройная женская фигурка неспешно отделилась от общего стола в глубине малого зала и так же медлительно, будто во сне, подплыла к самому порогу.

– Я... готова выслушать... старого Огрин... – еле слышно пролепетала девушка.

¹ Местами переходящая в дружескую потасовку с дружеским мордобоем, не менее дружеским членовредительством и исключительно дружеским нанесением тяжких телесных повреждений.

– Ее высочество принцесса Эссельте горит нетерпеливым желанием припасть к бездонному живительному источнику мудрости наших предков, имя которому – архидруид Огрин! – без запинки отрапортовал в большой зал слуга.

Старик покачал головой, трубно высморкался, уселся на место и принялся тереть рукавом увлажнившиеся внезапно глаза.

– Какая почтительность... какое воспитание... какие манеры... И всё это будет потешно... растоптано... брошено в навозную кучу перед этим животным... Морхольтом... Какая жалость... Нет, я не могу говорить... не могу... Такой момент... такой момент... Бедная девочка... Кириан, спой нам лучше пока что-нибудь... на злобу дня... А я попозже... скажу...

За дальним концом стола упитанный светловолосый человек, увешанный арфами, лютнями, лирами, дутарами и гуслиями как новогодняя елка – фонариками, закашлялся, щедро обдавая расположившийся перед ним ломоть хлеба с обглоданными костями алкогольным спреем, торопливо отставил в сторону почти опорожненный оловянный кубок и с готовностью вскочил на ноги – энергично, но не слишком твердо.

– Щас спою, – убедительно пообещал бард, походкой моряка, впервые сошедшего на берег после трехмесячного плавания, прошествовал на середину зала. Слуга притащил табуретку, и Кириан с нескрываемым облегчением опустился на горизонтальную твердую поверхность, правда, едва не промахнувшись.

Привычным жестом водрузил он на колени золоченую арфу, пробежался слегка дрожащими, но всё еще верными хозяину и годам практики пальцами по струнам, настраивая – «соль-мими, соль-мими, соль-фа-ми-ре-до...», нетрезво наморщил брови, так и норовящие уползти под линию волос, и старательно объявил:

– В этот упухальный ... то есть, опухальный ... кхм... эпохальный, конечно же я имел в виду... день... в смысле, вечер... переходящий в ночь... если быть точным... тоже опухальную... я хотел бы исполнить только что сочиненную мной балду... балладу... «Балладу об Уладе»!

– Валяй, бард!

– Давай!

– Порадуй!

– Хоть ты...

Кириан зарделся, откашлялся прилежно, склонил голову, будто собрался сперва часок вздремнуть, и вдруг взмахнул рукой, ударил по струнам и грянул во всё кирианово горло:

О Гвент! Священная держава
Крестьян, купцов и рыбаков.
Взгляни налево иль направо —
Никто рифмованных двух слов
Связать не может. Лишь Кирьян,
Стихи строчит, когда не пьян.
Итак, приступим. В славном Гвенте
Конначта собирает рать,
Войска растут по экспоненте,
Соседей надо покарать.
Соседи те – улады злые.
Народец склочный и сварливый,
Коварный, пакостный, драчливый,
Жестоковыйный и спесивый.
Пока гвентяне в сладкой неге
Неспешно дни свои влачат,

Улады буйные набеги
Злоумышляют и творят.
Грабители, придурки, гады,
Невежи, психи, казнокрады,
Козлы, бараны, быдло, стадо!
Вот подлинный портрет Улада!
Воистину, Улад – не Гвент,
Он всех пороков абсорбент.
И вот провозгласил Конначта:
Вперед! За Гвент! Забьем Улад!
Взвился штандарт на главной мачте,
И двинулся вперед армад.
Чего? Армада? Вот нахал, а?
Певца осмелился прервать!
Гоните умника из зала!
Прогнали? Можно продолжать?
Итак, армад, то есть армада —
Корвет, два брига и фрегат,
Достигла берегов Улада,
И в страхе побежал Улад...

Зал притих – всем было любопытно услышать описание событий, свидетелями или участниками которых они почти все были, в таком виде, в каком они войдут в историю. Пусть летописцем Гвента сейчас был не какой-нибудь дотошный архивариус, пергаментно-чернильных дел мастер, а болтун и пьяница миннезингер, но именно при таком раскладе мемуаров, знали ушлые гвентяне, их легче всего редактировать на стадии зарождения.²

Пока всё шло, как было.

То есть как не было.

Глотнув безалкогольного меда с пилюлей для прочистки замутненных потином мозгов до состояния стеклышка, хотя бы матового, из заботливого поданного слугой кубка, Кириан крикнул, утер плечом военно-защитного цвета рот, размазывая по щеке то ли напиток, то ли некачественный краситель ткани,³ и утробным голосом продолжил:

Уладья стража пограничья
Сражалась с грацией девичьей,
В один момент рассеял Гвент
Сей смехотворный контингент.
Да, сам фельдмаршал Карто-Бито
Остался бы доволен битвой.
Блицкригер, старый генерал,
От восхищенья б зарыдал.
Остатки жалких войск Улада,
К столице шустро отойдя,
В ней заперлись. Исчадья ада!
Сыны коварства и вранья!
На штурм войска повел Конначта

² Путем строгого внушения их автору, с занесением под левый глаз в случае необходимости.

³ «Сделано в Вондерланде. Красильня «Веселая радуга».

Монарх великий, храбрый вождь.
Он рубит, колет, режет смачно,
Что для него смертельный дождь
Из вражеских презренных стрел?
Поползновения улады
Тщетны. Конначта, как олады,
Уладьев тех на завтрак ел.
Мечом своим монарх махает —
Улады головы слетают
С уладых плеч, и уж готов
Холм из отрубленных голов!
Монарх еще махать желает —
Не может! Головы мешают!
Такою хитростью порочной,
Посредством вражеских голов,
Конначта обездвижен прочно.
Я плакать, я рыдать готов!
Беда! Улады, торжествуя,
Гурьбой Конначту в плен влекут
Герольды их, победу чуя,
Уже стишки свои плетут.

Искося пробежавшись взглядом по физиономиям аудитории, Кириан самодовольно усмехнулся под нос: кажется, рыдать, вытискивая из-под шлема пучки волос и раздирая ногтями кольчугу на груди, готов был не только он.

Гости прощального пира приумолкли, меланхолично подперев вымазанными в жире и соусе ладонями небритые подбородки. На нетрезвых глазах маячили мутные, как деревенский первач, слезы.

— Так оно всё и было, так и было... — грузный краснолицый эрл растроганно высморкался в полу камзола соседа справа.

— А я-то думал, что мы в сумерках и неразберихе после атаки уладов просто... э-э-э... забыли короля... где-то... — брезгливо отбирая у сентиментального, но влиятельного эрла парчовую полУ ценой в полкоровы, смущенно пробормотал сосед.

— Дурень ты, Динан, хоть и герцог, — сердито зыркнул на него эрл и потянул полу на себя.

— А может, ты получил могучий удар вражеским топором по голове, и поэтому всё позабыл? Ретрогородная анестезия памяти? — примирительно предположил бородатый маркиз слева, растроганный балдой Кириана и, ненавязчиво подавая пример хороших манер эрлу, элегантно вытер нос кулаком.

— Н-наверное... — быстро согласился дурень-герцог, и тут же придумал еще одну уважительную причину. — А может, я просто пьяный был, не помню... Пивоварня-то уладская как специально была у той деревни построена, где мы высадились.

— Так специально, поди, и была... — с отвращением сморщился эрл при воспоминании о вкусе недоваренного трофейного уладского пива.

Все в пределах слышимости понимающе закивали: они тоже были там. Они свидетели. Против такого оправдания не выдерживало ни одно обвинение. То, что улады — коварный народ, способный еще и не на такое, они знали и до этого.

После такого пива самый образцовый воин позабыл бы, где у него руки, а где меч.

— Вот видишь! Ты не помнишь, а Кириан тебе раз — и напомнил, — уже мягче заметил эрл.

— Так его ж с нами там не было! — недоуменно поднял брови Динан. — Вроде?..

– Таким как он в этом нет необходимости, – снисходительно усмехнулся лысый граф справа.

– Вот что значит – волшебная сила искусства... – уважительно покачал головой герцог, неровно хлопнул несколько раз в ладоши, опрокидывая попутно локтем почти полную кружку эля на галантного маркиза, и требовательно выкрикнул:

– Дальше давай, бард! Что там дальше было-то?

– Дальше! Дальше! – с энтузиазмом подхватили клич пирующие.

– И пой помедленнее – я записываю... – ворчливо выкрикнул из самого дальнего и темного угла старший королевский хроникер.

Удовлетворенно кивнув, певец отхлебнул мед из дежурного кубка, тронул гибкими пальцами струны и, трагически нахмурившись, затянул:

...Тогда на штурм идут гвентяны,
Чтоб короля освободить.
Но их могучие тараны
Не могут стены проломить.
Три дня столицу штурмовали,
Уладов много положили,
Тараны все переломали,
Монарха не освободили.
И тут дотумкал умный кто-то
Что надо пробивать ворота,
Не стены! Ведь они же крепче!
Сломать ворота будет легче!
Но нечем пробивать ворота —
Тараны все разбиты в щепки.
Сказал же Врун⁴ из Багинота:
Не тем умом гвентяне крепки.
Пришлось, набив добычей трюмы,
Поникнув гордой головой,
Во власти смутных дум угрюмых
Вернуться гвентарям домой.
А вслед за ними уж поспешно
Корвет уладьев мчится грешных.
С послем уладским на борту.
Немыт он, пахнет изо рту.
Сей малоценный господин,
Держа свой нос задратым,
Из узких достает штанин
Уладий ультиматум.
«Согласны мы вернуть Конначту,
Мир заключить, а надо только,
Соединить союзом брачным
Эссельте Гвентскую с Морхольтом.
Ну и в торговле послабленья,
Как дружбы знак и уваженья.
А коль не согласитесь вы —

⁴ Врун или Вруно – гвентское произношение имени Бруно.

Не снести Коннаchte головы».
Таков расклад. Таков Улад.
Таков посол уладский. Гад.
Таков Морхольтишка бесчестный,
Таков уладий нрав злобесный.
Будь трижды проклят ты, Улад,
И трижды тридцать раз проклят...⁵

* * *

Масдай утомленно замедлил ход, потом завис над кромкой поля, покрытого зелеными проростками, как небритые щеки земли, и неохотно шевельнул кистями, словно ощупывал налетевший теплый ветерок.

– Дальше куда? – устало прошелестел он, и задремавшие было на солнышке люди встрепенулись и закрутили головами.

– Если мы здесь... и нас не снесло ветром, предположим, сюда... или сюда... или, возможно, сюда... то тогда нам сейчас на запад... потом на север... после этого на юго-восток... – принялся добросовестно водить пальцем по старой желтой карте из Адалетовых запасников специалист по волшебным наукам.

– На запад... потом на север... после этого на юго-восток... – сосредоточенно бормотал Масдай, старательно аккомпанируя себе шершавым речитативом при выполнении агафоновых инструкций. – Хммм... Думаете, он знает лучше?

– Кто?..

– Что?..

– Где?..

– Юго-восток?

– При чем тут?..

– Вот он.

Три головы свесились с края ковра и уставились в четыре испуганные пары глаз.

Одна из них принадлежала толстопузому мужику в помятой войлочной шляпе, пожеванной кацавейке и с кнутом, отчаянно изгоняющему телят с потравленного поля.

– Ох, не виноват я, не виноват, скотина глупая, молодая, сама ушла, с дороги сбилась, бестолковая, а я сразу как увидел, за ней кинулся, оне и потоптать ничего толком не успели... – запричитал слезливо застуканный с поличными пастырь, с каждым словом усердно пришепывая рукояткой кнута по тощим коровьим крестцам.

– Врет, – с видом знатока приговорил Агафон – эксперт по дисциплинам не только магическим, но и сельскохозяйственным. – Заснул, каналья, вот все и разбрелись куда попало. Ох, будет ему от хозяина поля на орехи с медом, ох и будет...

Пастух перестал шпынять безрогих голенастых беглецов и тоскливо втянул голову в плечи.

– Пожалейте горемычного-несчастливого... сирота я... живу бедно...

– Так работать будешь – вообще по миру пойдешь, – сурово постановил ковер.

Мужик шархнулся – то ли от предсказания, выполненного нечеловеческим голосом, то ли от его источника – и загрустил совсем.

– Ладно, с хозяином они потом договорятся, – нетерпеливо махнула рукой Серафима. – Ты нам лучше скажи, пейзаин, где мы сейчас находимся и как скорее попасть в вашу столицу?

⁵ Здесь и далее Кириана «озвучивал» стихами Дмитрий Касич.

– А вы не расскажете старосте Марку... или эрлу Ривалу... что я... мы... они...

– Забот у нас других нет, – презрительно фыркнула царица.

Мужичок повеселел.

– Находитесь вы рядом с деревней Ячменное Поле сиятельного эрла Ривала, да продлитесь его род и его дни до бесконечности, – радостно набрав полную грудь воздуха, затараторил энергично он. – А в столицу нашу вам попасть очень просто. Летите сейчас туда, прямо, до перекрестка, а после следуйте вдоль дороги на запад, никуда не сворачивая. Если погода будет летная, через полтора-два дня будете в Гвентстоне как миленькие! Эт только если пешком, так туда ажно неделю пилить, пока все ноги до шеи не сносишь, а на ковре-то вашем – вжик – и там! Живут же люди... Но если встретите по дороге старосту Марка или нашего блистательного эрла Ривала – уговор! – не говорите ему... пожалуйста... уж...

– Уж не скажем, – милостиво согласился Олаф, и ковер-самолет сорвался с места в указанном направлении, не дожидаясь официального уточнения курса со стороны их штурмана, потерянно замахавшегося пальцем по карте.

Серафима отвела взгляд от пейзажа, пришедшего под ними в резвое движение, и склонилась над неподвижно лежащим супругом.

Дыхание вырывалось его из груди ровное и глубокое, и выражение неопишемого блаженства светилось умиротворенно на ивановом осунувшемся от дорог и бессонницы лице. Под щекой его, шевеля шерстинками на пролетающем мимо ветерке, покоился варговый малахай, заботливо сложенный царицей в форме подушки.

– Спит? – шепотом, способным разбудить мертвого, деликатно любопытствовал из-за спины Олаф. Иванушка мертвым не был, поэтому лишь перевернулся на бок и засопел в другой тональности.

– Спит, – хмуро пробормотала через плечо царица. – Третий день ведь уже... помоему... с той самой ночи, когда ему осколком того шара по лбу прилетело...

– Так пригибаться надо было, я ж кричал!.. – в который раз попытался оправдаться там, где никто его не винил, чародей.

– Фригг говорила, что когда действие ее зелья кончится, проспит он не меньше нескольких дней, – с авторитетным видом одного авторитета, ссылающегося на авторитет другой, сообщил отряг.

– Так прошло уже несколько дней-то, – брюзгливо заметила царица.

– Значит, это не то несколько прошло. А когда пройдет именно то, которое Фригг имела в виду, тогда и проснется. Если Фригг так сказала, значит, так тому и быть, – убежденно проговорил конунг.

– Ничего, пусть отдыхает. Намучался, бедный, – сочувственно проронил Масдай.

– Жалко... – меланхолично заметил Агафон.

– Да ну, теперь-то его чего жалеть, отоспится хоть за все недели...

– Да не его... Нас жалко. Нам же теперь по ночам приходится в темноту глаза пялить, – зевнул уже успевший вкушать все прелести ночного бдения маг.⁶

– Если не нравится, можешь отправляться обратно в Школу, – сварливее, чем хотела, парировала Сенька.

– И прозевать самое интересное?! – едва не выпустив на волю ветра карту, студент скрестил руки на груди и возмущенно вскинул брови. – Теперь, когда ренегаты больше не докучают, и вообще ничто нам не угрожает? Бросить в самом начале бесплатный круиз по Забугорью и прочему Белому Свету, на который я столько безуспешно копил?!.. Не дожидетесь! Тем более что меня, наверное, в Малых Кошаках уже хватились, наябедничали ректору, подняли суетню,

⁶ При всей благодарности за спасение под защитным куполом, позволить Агафону установить еще хоть раз что-нибудь подобное язык не поворачивался ни у кого. Включая Масдаю, у которого язык отсутствовал как анатомическая подробность.

беготню, болтовню, личное дело, расстрельную команду... Так что избавить меня от исключения может теперь исключительно Гаурдак, и никто иной. Поэтому забираем этого Конначту, или кого он там пошлет вместо себя – и вперед, спасать мир! Ну и меня, конечно...

* * *

– ...Бери, бери, не спи на ходу!..
– Туда тащи, туда, чтоб тебя акулы съели, тупица, чего посреди сходней вытаращился, как рак морской!..
– Это сюда, это сюда, это личный багаж принцессы, осторожно!..
– Да не сюда, болваны, под навес несите!..
– А лучше в трюм!..
– Сюда, туда, сами не знают, чего хотят...
– Поболтай еще мне, языкатый! Язык-то укорочу!..
– А это приданое, это тоже в трюм!..
– Куда?..
– Оглохли вы, что ли?! Сказали же – в трюм!!!..
– Сказали, сказали...
– Много тут чего уже наговорили...
– Не разговаривай, неси, куда сказано!..
– Куда нести?..
– Куда сказано?..
– Под навес неси, дурень!..
– Под навес, под ненавес...
– Капитан Гильдас, капитан Гильдас!!!
– Чего еще?!
– Картёж, капитан, картёж!!!..
– У-у-у-убью бездельников!!! Где картёж, Фраган?
– Вон, вон там!!! Королевский картёж едет!!!
– Что?!.. У-у-у-у, дурак!.. Сколько раз тебе говорить – не картёж, а кортэж!
– Да хучь кортешь, хучь картёж – а всё одно ить едут!
– Принцессу везут, принцессу!!!
– Рты позакрывали!!! Бери больше, тащи, тащи бегом – за что тебе только деньги платят, моржу толстомордому!.. И дорогу, дорогу картёжу... тьфу, рак тебя за ногу, кортэжу освобождайте!!! Фраган, не спи!

– Ав-чистить подъезды!!! Позакрывать рты!!! Бери больше, кидай дальше!!! Дорогу королевскому картоэжу!!!..

Суэта и суматоха в порту Гвентстона подобно волне-убийце взметнулась неистово, захлестнула без разбору правых и виноватых, достигла своего разрушительного апогея и схлынула, оставляя после себя перевернутые бочонки, ящики, корзины и растерянно хватающих пропитанный солью и гниющей рыбой воздух докеров и моряков, шарахнувшихся в разные стороны от причала борта номер один.

Из-за приземистых деревянных складов, опоясывающих холм, на котором вольготно расположилась славная столица Гвента, лихо выскочило с десятков свирепого вида бородатых воинов на разномастных скакунах, а за ними, дребезжа по выщербленной разбитой мостовой, влекомая четверкой белых лошадей, выкатилась покрытая золотым лаком карета класса «лимузин».

Яростно рыкнув на замешкавшихся поблизости от трапа работников, воины закончили начатое капитаном Гильдасом и его верным боцманом дело, спешили у трапа и застыли в

почтительном ожидании. Парой секунд позже, едва не переехав почтительно выскочившего навстречу капитана, экипаж мягко затормозил рядом со своим зверовидным почетным эскортом. Кучер быстро намотал поводья на ручной тормоз, резво соскочил с козел и метнулся открывать пассажирам дверь.

Первым по откинутой лесенке спустился высокий суровый костистый старик с таким же высоким и узловатым, как он сам, посохом, с жидкой белой бородой до скрытых коричневым холщовым балахоном колен, элегантно спутанной рукой тупейных дел мастера, и в широкополой фетровой шляпе, украшенной ветками омелы.

– Архидруид, архидруид!.. – прокатился благоговейный шепоток по толпе зевак.

– Огрин!..

– Мастер Огрин!..

– Неужто он нас покинет?..

– А кто будет предсказывать восходы?..

– И закаты?..

– И говорить, когда в каменном круге и в какую арку каким прищуренным глазом будет видно солнце?

– Его и так видно, между нами, моряками, во все арки, если оно вообще на небе есть, и всеми глазами сразу...

– Но без него его видно просто так, а с ним – по науке! А на это недели вычислений, поди, уходят!

– Прямо таки недели?!

– Ага!

– А откуда ты знаешь?

– Друиды сами так говорят!

– А еще они гороскопы составляют! Я, например – дуб!

– Оно и видно...

Не подавая виду, что слуха его коснулось что-то еще, кроме плеска прибоя и визга чаек, архидруид хмуро, но с достоинством отступил в сторону, давая выйти следующему пассажиру.

Им оказался приземистый упитанный гладко выбритый желтоволосый мужчина лет сорока-сорока пяти, одетый в серую шелковую тунику, украшенную на груди и плечах тонкими серебряными кольцами, сплетенными в подобие кольчуги. В руке его была стиснута позолоченная арфа. Подмышкой зажат тамбурин. Из-за голенища сапога угрожающе торчала флейта. На толстом ремне за спиной, на котором солдаты носят мечи, в колчане цвета хаки покоился тяжелый саксофон. На пухлой надменной физиономии человека-оркестра застыло кислое, глупо-неодобрительное выражение, относящееся то ли к текущей ситуации в частности, то ли ко всему Белому Свету вообще. Вокруг него витали сногшибательные сивушные пары вчерашнего прощального пира.

– Кириан, глядите!..

– Неужто сам придворный бард поплывет к уладам с принцессой?!

– Он будет им там играть и петь свои баллады!

– Так им и надо, крапивному семени.

Вслед за бардом, кипя и покрываясь багровыми пятнами от возмущения нахальством похмельного песнопевца, посмеявшего выскочить из кареты задолго до своей протоколом определенной очереди, на мостовую грузно вышагнул не менее похмельный эрл Ривал – двоюродный дядя принцессы по матери.

Памятуя эрлов крутой нрав и видя его настроение,⁷ легкомысленным комментариям, щедро отпускаемым по адресу каждого нового прибывшего, народ предпочел немного побезмолвствовать и подождать следующего пассажира королевского экипажа.

Это была принцесса.

Из полумрака роскошно-пыльных каретных внутренностей показалась и осторожно ступила на перекладинку откидной лесенки крошечная ножка в синей атласной туфельке. Потом протянулась белая, как молоко, ручка, полуприкрытая свисающим едва не до земли рукавом из голубого пенного кружева, медленно, как во сне, опустилась на торопливо протянутую дядюшкой загорелую и загрубелую ручищу, и замерла.

Толпа сочувственно охнула.

– Бедняжка...

– Не хочет ехать в уладово королевство взамуж...

– А ты б на ее месте хотел бы?

– Что я, баба?

– А бабой был бы, так хотел бы?

– Да провались они все к сиххё со своим Морхольтом, дикари чокнутые!

– Во-во...

– Я и говорю – бедняга...

Из кареты донесся тихий вздох, слышимый разве что Ривалу, равномерно-багровому теперь под цвет своего кафтана. Нежная ручка дрогнула, тонкие пальцы, униженные кольцами, судорожно сжались, и взорам притихших зевак предстал сначала голубой парчовый колокол юбки, потом – лазоревая кружевная шляпа, утопавшая в буйстве перьев, фруктов, птичек и увенчанная дотошно выполненной моделью каравеллы с наполненными ветром накрахмаленными парусами, и только после всего этого – сама принцесса.

Лицо ее, и без того белое от природы и присыпанное рисовой пудрой по последней шантоньской моде, было осунувшимся, и на фоне вопиюще-алой помады казалось почти бескровным. Золотые локоны, свитые в замысловатые кольца и кудри и заботливо уложенные руками горничных, изящно обрамляли скорбный лик девушки, наводящий, скорее, на мысль о предстоящих похоронах, нежели свадьбе.

– Эссельте, пойдем, не задерживайся, – хмуро зыркнув на толпу из-под кустистых бровей, с плохо сдерживаемым нетерпением проговорил эрл. – Надо успеть отплыть с отливом. Капитан?..

– У нас есть еще полчаса, – услужливо подсказал Гильдас. – Не волнуйтесь, ваше сиятельство, я пересекал пролив Трехсот островов три тысячи раз, если не тридцать. Всё пройдет как по маслу.

– Перед смертью не надышишься, – к месту и ко времени торжественно процитировал Кириан, обдав зевак перегаром, и был одарен принцессой и ее дядей жгучими, как бхайпурский перец, взорами.

Дальнейшая выгрузка свиты прошла быстро и без происшествий.

Вдгон за Эссельте из бескрайних просторов кареты на шербатую мостовую выпорхнули три горничных, возбужденных предстоящей дальней дорогой в заморские края, все в платьях серых, но замысловатого кроя. Процессию замыкал нервный худощавый молодой человек в черном. Его широкополая, как у архидруида, шляпа была надвинута низко на глаза. Обе руки последнего пассажира были заняты массивным деревянным сундуком с обитыми железом углами, на крышке и боках которого красовались нарисованные змеи, любовно обвивающие стоящего по стойке «ноги вместе, руки врозь» улыбающегося человека.⁸

⁷ А вернее, полное отсутствие оногo.

⁸ Святого Кирхиддина Уладского – покровителя гвентских целителей. По старинной гвентской легенде первое, что сделал

– Мастер лекарь, девицы – сюда, проходите, Фраган покажет, где ваши места, – капитан Гильдас ненавязчиво перехватил застывших в неуверенности у трапа придворных принцессы и передал в надежные руки боцмана.

Эрл и архидруид, как бы невзначай, но неумолимо взявшие под локотки принцессу, угрюмо обожгли тяжелыми взглядами случившихся на причале провожающих и решительно ступили на трап, увлекая бедную жертву большой и неуклюжей гвентской политики за собой. Из отбывающих на чужбину на земле родного Гвента остался стоять лишь Кириан с запахом перегара, отрешенно покачивающийся под утренним бризом.

– Мастер бард? – вежливо окликнул его капитан, нарушив рассеянную медитацию человека искусства. – Свита ее высочества уже на борту в полном составе. «Гвентянская дева» готовится отдать концы.

– Она была готова отдать концы сразу, как только услышала о решении принца Горвенола обменять ее на отца, – загробным голосом выдавил певец. – Бедная девочка, бедная, бедная и еще триста раз беднее того...

Гильдас пожал плечами и спешно опустил глаза, ссутулившейся спиной ощутив буравящий взор эрла Ривала с борта судна. Команда его и грузчики подались назад и заперминались с ноги на ногу, задумчиво изучая портовый мусор на щелястых мостках.

– Труссы... трусы все... – страдальчески скривившись, прохрипел музыкант, покачнувшись, устанавливая левую ногу на удачно подвернувшийся перевернутый бочонок, водрузил арфу на колено, закрыл глаза, спотыкаясь, прошелся пальцами по струнам и надрывно запел:

Я проснулся в слезах,
Я рассолу хлебнул, я пришел на причал,
Я остался в слезах, узрев, какие мы здесь.
Гвент объяла печаль,
Ведь принцессу прекрасную жаль,
Вселенская скорбь,
Эссельта-Морхольт,
Странная смесь.
Плыви, принцесса, плыви,
Смелей, не робей, себя не жалей,
Плыви над темной водой, под темной звездой, в темный Улад
И добрую весть неси нам скорей,
Что славный монарх,
Отец гвентарей,
Вернулся назад.

– Н-нууу, завыл, пьянчуга... – в воцарившейся ломкой больной тишине с палубы «Гвентянской девы» донесся наполненный ядом горечи и злости тихий голос эрла. – Эй, Кириан! Если не хочешь проделать весь путь до Улада вплавь, кончай немедленно песнопения и неси свою проспиритованную утробу сюда! Да пошевеливайся, сикамбр, чтоб тебя сиххё утащили! Отлив на носу!

– Труссы... Все трусы... все до единого... – бормотал певец, поспешно закидывая арфу за плечо и устремляясь по шаткому трапу наверх. – А трусливей всех – я... Но это только судьбу битвы решают храбрецы... А судьбы держав решают трусы.

святой отшельник Кирхиддин, сбежав из Гвента в Улад на ПМЖ триста лет назад – изгнал с территории своей новой родины всех змей. Естественно, в Гвент. Где раньше змей не было как класса. И теперь не самую малую часть своего дохода Гвент получал от продажи по всему Забугорью, в том числе и в Улад, лекарств на змеином яде, а его лекари, овладевшие тайнами клыков гремучников и гадюк, славились по всему Белому Свету.

– Чего ты там еще бухтишь? – неприязненно прорычал Ривал, и удивился, когда его вопрос заставил похмельного барда внезапно остановиться посреди трапа, хлопнуть себя арфой по лбу, развернуться и броситься назад.

– Эй, ты куда?!

– Я это... сейчас... семнадцать мгновений – и я в ваших объятьях... – пообещал через плечо Кириан, выудил из-за пазухи круглую разукрашенную гербами коробочку размером с ладонь и торопливо наклонился, огрев себя по затылку саксофоном, съехавшим от такой акробатики с привычного места.

– Чего это ты?.. – подозрительно прищурился эрл.

– Подарок... принцессе... на свадьбу... – натужно просипел музыкант, быстро работая пальцами свободной руки.

* * *

– ...И сейчас моя сестра Эссельте Златокудрая плывет в Теймре, столицу Улада... чтобы выйти замуж за Морхольта... первого рыцаря короля Мугена... брата королевы Майренн... в обмен на свободу отца... и обещание не нападать на них... пока они ведут войну с эйтнами на севере. Ну и некоторых торговых преференций...

Шепот раненного тихо сошел на нет, и Серафима обеспокоенно вытянула шею, вглядываясь в бледное, как простыня, лицо и закрытые глаза кронпринца на предмет видимых еще признаков жизни.

– Всё, уходите, уходите, уходите, – почти беззвучно, но от этого не менее гневно обрушился на них суровый чернобородый старик в синем балахоне, расшитом серебряными алхимическими символами, размахивая руками как на непослушных кур.

Он не покидал комнаты ни на минуту, неприязненно буравя мрачным взором затылки настырных иностранцев с того самого момента, когда полуживой Горвенол не понял почему согласился их принять.⁹ И теперь, при первой же возможности, главный знахарь-алхимик королевского двора Гвента попытался как можно скорее избавиться от фактора, раздражающего его работодателем высочество.

– Я, как личный лекарь принца, настаиваю, что волнение для него сейчас смерти подобно! – сердито зашипел он. – Не морочьте ему голову! Убирайтесь отсюда! Идите вы все к...

– Куда? – вежливо навис над ним Олаф.

– К... к... к... Идите к кастеляну Терноку, он определит вас на ночь и покормит, вас и ваших... вашего... ваш... – сбавивший слегка обороты старик украдкой метнул опасливый взгляд на Масдая, мурлычущего вполголоса на полу тягучую шатт-аль-шейхскую колыбельную под сладко посапывающим Иванушкой, – что он там у вас ест?.. или кого?.. Нечего вам больше тут делать, говорю, нечего! Или я позову стражу! Отправляйтесь отсюда...

– Куда? – ласково уточнил Агафон, и посох под его пальцами тревожно заиграл ало-золотыми искрами.

– ...Отправляйтесь отдыхать!.. – нервно дернул щекой и отступил на шаг придворный лекарь.¹⁰ – П-пожалуйста?..

Олаф, Агафон и Сенька переглянулись и пожали плечами. Похоже было, что несмотря на форму высказанных пожеланий, по сущности лукавый медработник был прав. Делать им тут было и впрямь больше нечего.

⁹ Может быть, потому, что отказать в аудиенции четверке чрезвычайно настойчивых гостей, влетевших в его окно, было в его положении несколько затруднительно.

¹⁰ Отступить на два или более шага или просто выскочить опрометью из комнаты помешала стена за его спиной.

Пробормотав шепотом пожелания принцу скорейшего выздоровления, благополучия, процветания и прочих земных и неземных благ, маленький отряд уныло взгромоздился на ковер и, игнорируя любезно распахнутую прислугой дверь, покинул покои впавшего в забытие Горвенола тем же путем, каким в них попал.

В нескольких метрах от окна спальни, хлопнувшегося как по волшебству, Масдай завис и деловито поинтересовался:

– Ну что? Куда теперь?

– Куда?..

Друзья задумались.

– Принц отпадает, – первым из отряда озвучил свой мыслительный процесс Олаф. – Других родичей, кроме короля Конначты, у него нет. Значит, придется ждать, пока тот вернется из плена.

– Ждать?! – подскочил Агафон. – Да это мы сколько прождем?! Если они вчера утром отплыли, так это значит, сказал Горвенол, что до Улада им только к вечеру сегодня добратся! В лучшем случае! А пока там свадьба, шуры-муры, трали-вали, сколько это еще времени пройдет?!

– Много, – подытожила за всех Серафима. – Мое предложение – лететь в эту их Тьмутаракань...

– Теймре, – услужливо подсказал ковер.

– Во-во, я и говорю, – нетерпеливо кивнула царица. – И не ожидая милости от природы, самим освободить короля.

– А как же свадьба? – не понял Агафон.

– Шуры-муры?.. – поддержал его Масдай.

– Трали-вали?.. – неопределенно взмахнул ручищами отряг.

– Ненападение и преференции? – рассудительно дополнил список юный чародей.

– Свадьбы не будет! – шкодно ухмыльнулась Сенька. – Свободу закрепощенным женщинам Гвента! Свободу Конначте!

– То есть... – сдвигая брови с мучительным усилием, которое иной человек затратил бы на то, чтобы хотя бы оторвать от земли топор номер двенадцать, конунг принялся высказывать озаривший его план кампании. – Мы прилетаем туда... быстро находим, где они держат короля... и просто перебиваем охрану?..

– Моя приемная матушка с детства учила меня, что перебивать некрасиво, – под разгорающимся жадой риска и приключений взором отряга поежился неуютно Агафон.

– Если проблема только в этом... давайте перебьем красиво! – обрадовался Олаф.

– Ладно, долетим – сориентируемся! – жизнерадостно махнула рукой Сенька, в кои-то веки довольная, что ее спящий красавец не слышал предложение конунга.

Получасовой лекции на тему мира и дружбы между народами ни ее, ни Олафова буйные головушки, пропекшиеся под раскошегарившимся майским солнцем безветренным знойным днем, не перенесли бы.

– А если они доберутся до Улада вперед нас? – не переставал выискивать бреши в плане Серафимы осторожный чародей, до которого еще не дошло, что всё уже было только что решено на его глазах и без него.

– То со свадьбой и набегами им придется разбираться самим, а Конначту мы всё-таки заберем, – беспечно подытожил Олаф. – Это и будет наш тик-так. То есть, так-тик.

Бескрайняя синь моря, сливающаяся где-то далеко с такой же бесконечной лазурью неба – впереди, позади, слева, справа – слепила глаза, куда бы они не посмотрели, заставляя жмуриться, отворачиваться и тереть их руками до рези, до красноты, до слез. В конце концов, опергруппа по спасению Конначты бросила болезненно-безнадежное дело разглядывания пла-

вающих в туманной дымке dalej и изучения безбожно бликующей карты, и в изнеможении улеглась на горячую спину Масдая рядом с Иванушкой.

– Эх, хорошо припекает... – блаженно пробормотал под ними ковер. – Прямо как дома...

Если он рассчитывал на поддержку – горячую, теплую или хотя бы слегка подогретую – то его не ждало ничего, кроме холодного разочарования.

– Жарынь жуткая... Мороженого бы... бананово-шоколадного... килограмма четыре... с половиною...

– Свариться можно... если сперва не зажаришься... Интересно, есть такое заклинание, которое всё это немножко охолонуло бы?.. Надо п-поглядеть... так-так-так...

– Точно, ребята... Хел горячий, а не Гвент... Прохлады хочу! И как только эти южане в эдаком пекле всю жизнь живут?..

Отвечать не только на риторические вопросы, но и на какие бы то ни было еще сил – ни моральных, ни иных – у спутников изнемогающего от зноя конунга не оставалось, и его последнее «Хоть шлем с кольчугой не снимай...» густой патокой зависло в прогретом не хуже шатт-аль-шейхского воздухе.

– Масдай... скоро там этот Улад?.. – через полчаса с трудом разлепил спекшиеся губы отряг.

– Не знаю... – неуверенно повел кистями ковер. – Если по вашей карте – то еще с полдня полета, не меньше. А ежели судить по визуальным впечатлениям...

– То что? – нетерпеливо приподняла голову Сенька.

– То вон он, на горизонте.

– Где?!

– Уже?!

– Наконец-то!!!

Три головы одновременно взметнулись вверх и наперебой принялись отыскивать обещанный горизонт, за которыми, наверняка, кишмя кишели тенистые купы, прохладные ручьи и килограммы бананово-шоколадного мороженого.

– Вон он!!! – первым узрел вожденный берег Агафон.

– Надо проверить, хорошо ли наточены топоры... – забеспокоился отряг.

– Постойте... – с сомнением прищурилась и тут же отвела глаза царевна. – Может, это один из островов? Ведь и впрямь для Улада рановато?..

– Такой огромный? На весь горизонт? – снисходительно фыркнул Масдай в адрес маловерных. – Мы ж не в открытом море-окияне, тьфу-тьфу-тьфу, не приведи Господи. Откуда здесь такие острова? Видал я по дороге штуки три островов их – самый крупный не больше деревни лукоморской. А это – точно говорю вам! – самый натуральный У...

Уууууууууууууууу!!!..

Налетевший порыв ветра сделал попытку одновременно развернуть на сто восемьдесят градусов ковер, сорвать с голов шлемы, а если получится, то и волосы, и сбросить в море как можно больше припасов экспедиции.

Одна из трех поставленных задач была выполнена на «отлично».

– К-кабуча!!!.. – в сердцах выкрикнул маг, когда после отчаянного броска пальцы его сомкнулись в десятке сантиметров от второго мешка с продуктами, стремительно удаляющегося вслед за первым в самостоятельный полет, очень скоро грозящий перейти в самостоятельное плавание. – Там была почти целая головка сыра!!!..

– Он всё равно давно испортился, – попытался утешить опечаленного студента отряг. – Зелень, плесень...

Агафон облизнулся.

– ...поэтому я его выбросил еще утром. Собаке бродячей.

– Что?! – подскочил волшебник. – Да как ты мог! Это же элитный сорт, два золотых за голову!..

– Не расстраивайся так, Агафон, – присоединилась с добрым словом Сенька. – Собака его всё равно есть не стала. Откусила и выплюнула, я сама видела. Так что, на обратном пути подберем, если он уж тебе... так нравится.

– Его съедят!!!

– Ищи дураков... – буркнул конунг.

– Он испортится!!!

– В смысле, позеленеет и заплесневеет? – уточнила царевна.

– Да!!!.. То есть нет... То есть чего вы мне голову морочите? Оставили без десерта, и рады... тьфу...

Новый шквалистый порыв захлестнул ему волосы на лицо, и чародей, не договорив, принялся недовольно отплевываться, поправляя испорченную прическу.

– Что-то это мне не нравится... – мрачно предрек из-под них шерстяной голос. – Похоже это всё... похоже... похоже...

– На что? – встревожилась Серафима.

– На надвигающуюся бурю это похоже, вот на что! – яростно воскликнул отряг и грохнул кулаком по шерстяной спине. – Масдай, где ближайший остров? Идиот...

– От идиота слышу!

– Ой, извини... – вспыхнул алым поверх обгоревших белых щек рыжий конунг. – Это я про себя... растаял тут на солнышке, размяк... болван... Шторм проворонил!!! Моряк хелов... медуза безмозглая... Позорище рода Хильдебрантов!

– Хорошо, что хоть земля близко... – побелел как первая отряжская красавица Агафон и до судороги в пальцах вцепился обеими руками в посох.

– Где?

– Да вон там же!..

– Какая земля?! – рявкнул отряг, злой как варг на свою тугодумность. – Это не земля! Это штормовой фронт надвигается!!!

– Что?.. – если бы чародей побледнел еще больше, он стал бы прозрачным.

– И куда нам теперь? – потерянно закрутила головой по горизонту тоже не блистающая румянностью Сенька.

– Откуда я знаю...

Ковер затормозил, завис, поворачиваясь нерешительно то вправо, то влево, ища и не находя ни континента, ни архипелага, ни малого островка – ничего в пределах трехминутной досягаемости.

Кроме шторма.

– Откуда только эта буря тут взялась?.. – сквозь зубы прорычал рыжий воин.

И тут слева от него раздался писк.

– Простите меня... я не хотел... Раздел управления погодой – узкоспециализированная область магии... и исключительно для тех, кто имеет к этому врожденную склонность... но я подумал... что теперь... что с моим посохом... вы же сами все просили меня сделать что-нибудь с этой жарой!!!

– Кто просил?! – взвился Масдай.

– Кто-кто просил?! – в один голос воскликнули Сенька и Олаф, и в глазах их блеснуло убийство.

– Ну не просили... – сдулся еще больше чародей. – Но ведь это, я понял, только потому, что такая простая и гениальная мысль не пришла вам в головы... только мне... и я подумал... что сделать доброе дело ближнему... пусть непрошено... мой долг как профессионального

специалиста по волшебным наукам... Иван бы сказал то же самое! Но вы слишком многого от меня хотите, я ведь не метеоволшебник, я – боевой маг!..

– В первую очередь – ты маг!

– Н-ну так оно оно да...

На этот раз дуэт превратился в трио.

– Ну так сделай что-нибудь!!!

– Что?!..

– Сотвори остров!

– Ангар!

– Эллинг!

– Что угодно!!!

– Я...я...я... – заикался студиозус, и рука его метнулась в заветное потаенное местечко в рукаве.

– Остров... остров... остров... – забормотал он, и дрожащий невымытый палец с обкусанным ногтем заметался по корявым чернильным строчкам. – Нет, это долго... Ангар... он же эллинг... в зависимости от степени намокания... Раз плюнуть!.. располагается на острове... К-кабууууучааааа...

– Агафон, действуй!!!

– Сейчас, сейчас, сейчас, сейчас... Остров, остров, остров, остров... Для этого нужна земля... хоть чуть-чуть... от объема зависит продолжительность его существования... и площадь, конечно... Земля, земля, земля... Где-нибудь поблизости есть земля?!

– На дне, – загробным голосом ответил Масдай.

– А это глубоко?

– Скоро узнаем, – пожал плечами отряг.

– Вам бы всё шутить!!! – взвизгнул студиозус. – Как будто это мне надо!!! Одному, в смысле!!!..

– Нырять я не умею, – желчно прошипел ковер.

– Не надо нырять. Я... могу попытаться эту землю со дна достать... только...

– Что?

– Только вода – это еще один специализированный раздел магии... для врожденных талантов... – убито пробормотал волшебник, – там отражение идет страшнейшее... и дифракция интерференции... а у меня с объемами свыше трехсот литров что попало творится... мягко говоря... Как вы думаете, между нами и дном меньше трехсот литров или больше?..

Ветер, словно удесятирив силы за короткую передышку, налетел на них с новым остервенением, окружая клубящимися тучами, и люди пригнулись, почти касаясь лбами дрожащей, как кролик перед волком, спины Масдая, чтобы не быть сброшенными в море вслед за своими злополучными припасами.

– Литров, метров, градусов, гектаров!!!!.. Делай уже хоть что-то, волхв!!! – отчаянно рявкнул из подмышки отряг, почти распластавшийся на Масдае. Словно для пушей убедительности, сверкнула развесистая молния под аккомпанемент оглушительного грома.

– Сейчас, сейчас, сейчас, сейчас... – втянул голову в плечи и виновато затараторил юный маг. – Я постараюсь призвать землю... погодите... сейчас...

И он впился в засиявший штормовой синевой посох, зажмурил глаза и, что было мочушки, беззвучно завопил, повторяя снова и снова, странное раскатистое слово на забытом языке.

* * *

Капитан Гильдас опустил подозрную трубу и почтительно повернулся к эрлу Ривалу, застывшему на баке как родственник корабельной носовой фигуры, чтобы доложить то, что брату покойной королевы Гвента было уже видно и невооруженным глазом.

– Славно мы успели, ваше сиятельство. С востока грозовой фронт накатывается. Не пойму, откуда взялся – небо чистейшее было. Но беспокоиться не стоит – когда он подойдет, мы уже будем в тихой безопасной бухте.

– Видел, не слепой, – рявкнул эрл, как разозленный бульдог. – Еще что?

– Прямо по курсу Улад, – не дрогнув на грубость и бровью, продолжил рапорт капитан. – Ветер попутный. Будем в Бриггсте через двадцать-тридцать минут, ваше сиятельство.

На красной физиономии дядюшки, обожающего племянницу и ненавидящего качку, на несколько секунд отразилась гражданская война противоречивых эмоций – радоваться ли благополучному окончанию морского круиза, или печалиться скорому расставанию с Эссельте.

Победили родственные чувства.

– Ну будем и будем... – хмуро процедил он и отправился в каюту – сообщить сие двусмысленное известие принцессе, также страдающей в одиночестве от морской болезни и перспектив семейной жизни.

Едва протянул он руку к ручке двери, как та распахнулась, не дожидаясь его прикосновения, и на палубу выскочил красный как помидор придворный лекарь, сжимающий в объятиях, будто самое драгоценное сокровище мира, свой сундук со снадобьями.

– Ей лучше? – остановил его взглядом Ривал.

– Д-да... лучше, – медик коротко сверкнул сапфировым взором из-под полей шляпы, и почти вызываясь добавил: – Насколько это может быть в ее положении.

– В положении?!.. – глаза эрла вытаращились из орбит и сделали его похожим на переваренного рака.

– Да, – угрюмо кивнул лекарь. – Перспектива провести всю жизнь в заложниках у кровожадных дикарей еще ни для чьего здоровья благоприятной не была. Ваша светлость.

– А-а-а-а... – отлегло от сердца дядюшки. – Ну так чего ты мне голову морочишь! Иди, собирай свои примочки – через двадцать минут Бриггст. И Кириану скажи. Архидруида я сам оповещу... Горничные у Эссельте?

– Нет, – сухо качнул головой знахарь.

– Ну так ступай и разыщи их... бестолковые девчонки...

Молодой человек молча кивнул и, в последний раз метнув в него странный холодный взгляд, заторопился прочь.

Принцесса всё поняла с первого взгляда, отняла кружевной платочек от покрасневших глаз и спрятала в рукав.

– Улад?..

– Да, деточка...

Теперь Ривал не выглядел рассерженным бульдогом – просто старой больной несчастной собакой.

– Ты готова?

Эссельте кивнула.

– Ты... плакала?

Голова принцессы опустилась на грудь и замерла.

– Девочка... бедная моя девочка... если бы я мог что-то сделать... чем-то помочь... Но стране нужен мир... и нужен король. Особенно теперь, когда Горвенол...

Дядя вдруг вспыхнул и прикусил язык.

– Когда мастер-лекарь думает, что Горвенол... может не выжить? – почти беззвучно прошептала принцесса.

– Да ерунда всё это, ерунда ходячая, деточка, забудь ты про это, забудь! – торопливо замахал руками и виновато затарахтел Ривал. – Он обязательно, обязательно поправится! Раны-то у него пустяковые! Вот мой брат, да будет земля ему пухом, когда в уладскую кампанию сорок лет назад его бросили на поле боя, приняв за мертвого...

Дверь каюты без стука распахнулась со стуком, и порог ее переступил слегка взлохмаченный и более чем слегка нетрезвый работник гвентской культуры.

– Эссе... – начал было он и осекся, приложив ладонь к губам. – А-а, ваша светлость... И вы здесь...

– Чего тебе тут надо? – оскалился эрл. – Опять нажрался?! Убирайся отсюда вон!!! Если через десять минут ты не будешь похож на человека, то дальнейший путь сделаешь вплавь! До Улада или Гвента – уже на твой выбор!

– Уже ухожу, уже иду... – скроил сконфуженную мину певец. – Только... я тут подарочек принес нашему ее высочеству... на свадьбу держал... но дай, думаю, сейчас подарю... для поднятия духа, так сказать...

– Подарочек? – презрительно хмыкнул Ривал. – Какой еще подарочек?

– Вот, пожалуйста.

Кириан полез за пазуху и вытащил круглую деревянную коробочку, расписанную по бокам гербами провинций Гвента, размером с ладонь. Крышку ее украшал вздыбившийся единорог в обнимку с присевшим гиперпотамом – символ гвентской государственности.

– Шкатулка? – пренебрежительно скривился эрл. – И что в ней?

– То, о чем никто другой не подумал.

Самодовольно улыбаясь, бард сделал шаг к принцессе, открыл крышку и замер, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Ч-что э-это?..

– Грязь?!..

– К-кириан, это и вправду г-грязь?..

– Грязь!.. – оскорблено фыркнул бард. – Грязь!!! Это, к вашему драгоценному сведению, вовсе никакая не грязь!!!

– А... что же это, Кириан? – Эссельте недоуменно захлопала ресницами, густо накрашенными клеевой сажей.

– Горсть родной земли! – гордо провозгласил песнопевец. – С самого гвентского побережья! Исконная-посконная! Чтобы помнила на чужби...

Страшный толчок вдруг потряс корабль, повергая всех людей на пол в одну изумленную кучу-малу. Стены, пол, потолок каюты будто мигнули, пропадая на долю секунды из виду, снова вернулись на свои места, и вдруг корвет подскочил, будто подброшенный могучей рукой морского бога. Из открытого иллюминатора, секунду назад изливавшего на кровать принцессы ласковые солнечные лучи, на одеяло выплеснулось несколько десятков литров ледяной воды. Вместо солнца снаружи сверкнула молния. Раскатился валунами по железной небесной крыше гром.

– Что это?.. – потрясенно выдохнул Кириан.

– Что за... – начал было Ривал.

И тут принцесса завизжала.

Потому что дверь каюты распахнулась, и в нее, подсвечиваемое неистовствующими вспышками одичавших молний, ввалилось нечто громадное и рогатое. На одном плече у него лежало истекающее водой бревно. На другом – такой же мокрый и бездыханный человек.

– Я Ивана тут оставляю, – не терпящим пререканий тоном пробасило вошедшее чудовище и заботливо уложило ношу с правого плеча на кровать принцессы, сырую как Белолукоморское болото. – Он спит, не будите.

– Т-ты... т-ты... – рука эрла потянулась к левому боку – то ли к сердцу, то ли к отсутствующему мечу.

– М-морской... м-монсрт... морнст... мронст... – заикался Кириан, и карманная лира в его трясущихся руках панически затенькала струнами в такт.

– Олаф Хильдебрант, – любезно представился мронст... то есть, монстр, и при следующей вспышке молнии и впрямь превратился в огромного человека в рогатом шлеме со скатанным ковром на плече.

Ковер тут же последовал за тем, кого чудище морское Олаф Хильдебрант назвал Иваном, устроившись на свободном и пока относительно сухом ложе справа.

Серебряная волна пробежала по струнам маленькой лиры, и чудесным образом протрезвевший певец дрожащим голосом слабо простонал:

Нечистая сила!
Рогатый громила
В каюту принцессы вплеснулся с водой.
О демон пучины!
Какая причина
Сподвигла тебя на поступок такой?..

И, не успев последний аккорд затихнуть, обитателей каюты словно прорвало.

– Откуда вы взялись на нашем корабле?

– Ты – уладский согладатай?

– А почему... Айвен... не просыпается?

– Что случилось с погодой?

– Наверное, его заколдовала злая ведьма?

– Вы потерпели кораблекрушение?

– Прятались в трюме?

– Вас прислал король Муген?

– Может, его должна поцеловать прекрасная принцесса?

– Нас не выбросит волнами на берег?

– Мы не пойдем ко дну?

– Ладно, пусть выбрасывает!

– Это кого ты целовать собралась, вертихвостка?!

– Я про такое в романе читала, дядюшка!..

Обеспокоенные вопросы и бестолковые ответы сыпались на голову будто свалившегося с неба гостя с частотой свирепствующего за стенами каюты ливня.

– Я – отряг, – сообщил визитер с достоинством, подразумевающим, что заподозрить его в принадлежности к иной национальности было так же нелепо, как подумать, что посреди почти открытого моря их могло выбросить на какой-нибудь берег.

А потом развернулся и выбежал из каюты.

Потому что почти одновременно с его представлением до изумленных гвентян донесся истошный вопль капитана.

– Свистать всех наверх!!! Полундра!!! Убрать паруса, чтоб вас всех демоны морские жрали!!! Нам все мачты переломает!!!

Но не успели они осознать всю опасность создавшегося момента, как дверь снова распахнулась, и исполосованная колючими молниями грозовая тьма панически проорала голосом боцмана:

– Все, все на палубу!!! Рубим грот-мачту!!! Мы не успеваем убрать паруса!!! А с ними нас разломает как картонную коробку!!!

– Вперед, сикамбр!!! – взревел Ривал, ухватил за шкирку почти не сопротивляющегося и почти протрезвевшего Кириана, и отважно выскочил на палубу в объятья бури. Дверь за ним захлопнулась – не столько силой мускульной, сколько стихийной – и Эссельте осталась одна в каюте, погруженной во мрак и мечущейся, как грешная душа в загробной жизни, в обществе тревожно постанывающего во сне незнакомца и медленно и безмолвно промокающего ее кровать ковра.

Держась одной рукой за стену и всё, что было к ней приколочено, и отчаянно балансируя второй, чувствуя себя нетрезвым канатоходцем над пропастью, она медленно добралась до занятого ковром ложа, но тут же была брошена сверху дико рванувшимся влево кораблем. Испуганно ойкнув, принцесса вскочила, ощупывая мгновенно намокший вамаясский шелк платья, но переживать по этому поводу ей было суждено недолго: новый бросок корабля швырнул ее на пол, накрыл сверху мокрым ковром и щедро осыпал всем содержимым полок, подставок и шкафчиков. Секундой позже рядом с ней грохнулось что-то большое и тяжелое.

Недовольно буркнув, оно перевернулось на другой бок и безмятежно захрапело дальше.

* * *

– ...Нас несет на камни!!!

– Это остров!!!

– Нет, наверное, это Улад!!!

– Нас не могло...

– Остров, Улад, Гвент, Узамбар – какая к демонам морским разница... – прошептал капитан, стискивая до боли мокрое просоленное дерево рулевого колеса.

Но говори он громче, кричи или вопи во всё горло – всё одно из-за грохота бури и отчаянного скрипа жестоко испытываемого на прочность корабельного дерева услышать его смогли бы только морские демоны, через слово поминаемые командой, беспомощно вцепившейся в полуобломанные куски корабельной архитектуры.

Увлекаемый ревушей бурей, корабль несся на рифы с неминуемостью катящегося под гору бочонка. Даже если бы Гильдасу удалось повернуть обреченное судно влево или вправо, это стало бы всего лишь выбором места их гибели, но не способа.

Вцепившись в перила мечущегося под ними, как обезумевший мустанг, мостика, маленький отряд пытался высмотреть за стеной взбесившихся валов хоть малую лазейку, сквозь которую они бы могли надеяться проскочить, или быть пронесенными ураганом – но тщетно. Черные скалы, покрытые мутной пеной разрывающихся о них волн, огораживали маячившую невдалеке землю как неуклюжий и неказистый, но очень эффективный частокол.

– Агафон, сделай что-нибудь!!! – не выдержала первой Сенька.

– Что?! – прокричал тот в ответ и едва не захлебнулся ошметками пены, брошенной ему в лицо наскочившей волной.

– Что-нибудь!!! – проорала, еле слышная сквозь громыхание грозы, царевна. – Ты же маг!!!

– Нет, я имею в виду, что ты сказала?.. – выкрикнул чародей в ответ.

– Ты что, глухой?! Я тебе уже семь раз повторила...

– Нет, я хочу достоверно убедиться, что вы от меня хотите именно этого, и что на этот раз после того, как мое заклинание работает, жалоб на меня не будет!

– Не будет, не будет!!! – яростно завопила царица.¹¹ – Колдуй, кабуча ты сабрумай-ская!!!!..

– Давай, волхв. Сотвори чудо. Хуже всё равно некуда, – не без труда перекрывая рев ветра и грохот шторма, скорбно поддержал ее отряг из-под съехавшего на брови шлема.

Чародей припечатал оскорбленным взором не дрогнувшего конунга, высокомерно выпятил нижнюю губу и закрыл глаза. Через пару секунд, напряженно прилепившись лбом к своему символу высшего магического отличия, он уже горячо шептал что-то скороговоркой, словно убеждая его в чем-то. Посох мигнул синевой несколько раз в ответ, потом засветился ровно и сильно, и друзья торопливо отвернулись, чтобы нарастающее сияние не слепило привыкшие к грозовой полутьме глаза.

– Что это?.. – боязливо воскликнул матрос на палубе, оборачиваясь с риском быть смытым за борт и тыкая пальцем в сторону необычайного светового явления на мостике.

– Где?..

– Что?..

– Как?..

– Волшебство!!!!.. – зачаровано выдохнул боцман, с изумлением наблюдая, как быстро и необъяснимо из палки патлатого носатого парня, свалившегося на них с неба, вырастает и раздувается полупрозрачный шар.

– Демоны морские!!!!..

– Мы что, полетим на этом пузыре в Улад? – открыл рот Гильдас, позабыв про штурвал. Погруженный в сотворение чуда Агафон не удостоил его ответа.

Вот шар размером всего с арбуз... с валун... с большой валун... с очень большой валун... с очень большой валун, способный занять весь мостик... полкорабля... весь корабль...

Молочно-голубая сфера прошла незаметно сквозь тела людей и коснулась воды. И там, где она соприкасалась с бушующим, ревущим, встающим на дыбы морем, оно утихало, будто засыпая, и на глазах у пораженных зрителей неистовствующие волны превращались в мирную дремотную рябь.

Десять метров спокойной воды... пятнадцать... двадцать... тридцать... сорок... сто... сто сорок... двести...

Спасительный колпак уперся в прибрежную линию, пару минут назад еще раздираемую яростным прибоем, а теперь больше напоминающую берег дворцового прудика, и замер.

– Чтоб меня демоны морские жрали!.. – восхищенно ахнул Фраган, выпустил канат из рук, спохватился мигом, вцепился в него снова, но тут же рассмеялся, отшвырнул его подальше, и радостно захлопал себя руками по мокрым, обтянутым рваной парусиной штанов ляжкам. – Штиль! Под нами теперь штиль!!! На сотни метров вокруг!!! Братушки!!!!..

И команда, уже подготовившаяся к скорой и ужасной гибели, словно услышав приказ, взорвалась приветственными криками, наперебой показывая неприличные жесты урагану, бес- сильно ломящемуся в стену безопасности.

– Уррааааа!!!

– К демонам шторм!!!

– К водяным бурю!!!

– Даёшь штиль!!!

– Даёшь друида!!!

– Качай друида!!!

– Качай!!!!..

Побросав все, за что держались, моряки радостно вопящей толпой кинулись на мостик.

¹¹ Не исключая возможности, что их не будет по причине полного отсутствия жалобщиков.

В это время корабль по инерции проплыл еще несколько метров вперед и со скрежетом остановился.

– Не знала, что на гвентских каравеллах есть тормоза... – пораженно захлопала очами еле устоявшая на ногах Серафима.

Попадавшая на просоленные зады команда побледнела.

– Какой еще тормоз?! – отчаянно взвыл Гильдас. – Мы на риф наскочили!!!..

– Риф?!.. Но откуда?.. Основная гряда от нас метрах в сорока еще!.. – растерянно вытянул шею Ривал.

– Основная – да. А это – авангард, – кисло предположила царевна.

– Скорее, засада, – страдальчески скривился конунг от одной мысли о нелепой потере такого замечательного судна.

– Мы погибнем? – жалобно вытянулось лицо Агафона. – Столько изумительных нечеловеческих усилий – и всё галеону под руль?

– Нечего расстраиваться, ваше премудрие! – утешительно просиял капитан, для которого после бури среди ясного неба и шторма-убийцы, внезапно посаженного за забор, не было больше ничего ни страшного, ни удивительного. – Сейчас мы спустим шлюпки и все переберемся на берег! У нас же штиль!

– И ты даже не попытаешься заделать пробоину в королевском флагмане?! – эрл побагровел от праведного возмущения.

– С куском морского дна в трюме? – поглядел на него как на полоумного капитан, и звучно закричал в сложенные рупором ладони: – Мы тонем!!! Без паники!!! Спустить шлюпки на воду!!! Перевозим ее высочество принцессу со свитой в первую очередь!!! Не торопитесь, собирайте всё!!! У нас много времени!!!

– Минут десять, – как бы между прочим добавил Агафон и плавно, но набирая скорость с каждым шагом двинулся к трапу, ведущему на палубу.

– Как – десять?..

Движение на корабле замерло.

– Как это десять?!.. – подскочил Ривал.

– Девять... – на бегу к двум последним не прибранным морем шлюпкам сообщил Агафон.

– А дальше что?.. – потерянно опустил руки Гильдас.

– Восемь, – для особо преуспевших в арифметике любезно подсказал Олаф, обогнул чародея и помчался к каюте, в которой они оставили Ивана и Масдая. Сенька за ним.

Эрл охнул, метнулся следом, остановился, рванул к шлюпке, снова встал, и снова кинулся к шлюпке, и опять к каюте...

– Ты же волшебник! – страдальчески выкрикнул рябой матрос с юта в бледную, слегка перекошенную физиономию их десятиминутного спасителя. – Останови бурю насовсем!

– Я – боевой маг, а не водофил, – с таким видом, как будто сей факт объяснял все неясности Белого Света, студиозус проворно заскочил в шлюпку у левого борта и занял место на носу. – Когда отплываем?

Люк в палубе у мостика откинулся и, визжа, ахая и расталкивая друг друга, из каюты на нижней палубе стайкой Серых Шеек выпорхнули горничные принцессы с нехитрыми пожитками в дорожных сумках.

– Быстрее, уточки, быстрее, – торопил и подталкивал их снизу седой бородатый матрос. – Машите крылышками, пока бурю обратно не включили.

– Куда, куда, куда, куда?.. – растерянно заметались между двумя шлюпками перепуганные до полусмерти служанки.

– Тут места много, – ткнул в незанятую пока шестивесельную шлюпку старый моряк, и дрожащие от пережитого ужаса девушки неуклюже принялись карабкаться через фальшборт.

– Фраган, помоги мне! – махнул рукой седой и ухватился за рукоятку лебедки. – Припустим эту, потом левую!

– погоди! Сейчас принцессу приведут! – замотал головой боцман.

– Спускайте шлюпку до уровня борта, принцессу так затолкаем!!! – раздраженно рявкнул с мостика Гильдас. – Время идет!!!

– Делай, как капитан сказал, Фраган! – сердито крикнул седой, и нервно озирающийся по сторонам боцман ухватился за рукоятку второй лебедки.

– Раз-два, пошли!.. – скомандовал, сбегая на палубу, Гильдас.

Лебедка заскрипела, и ее визг словно стал командой «свистать всех наверх»: дверь королевских покоев распахнулась, синхронно откинулся второй люк, ведущий на среднюю палубу, и почти одновременно на свежий воздух стали выбираться Огрин, Кириан, придворный знахарь и представители королевской фамилии, подпираемые сзади антиргаурдаковской коалицией.

– Куда бежим? Куда плывем? Куда сидим? – заметался между бортами бард, больше похожий сейчас на магазин музыкальных инструментов в эвакуации.

– Хоть куда садись! – раздраженно отмахнулся эрл от одуревшего со страха трубадура, освобождая дорогу принцессе, и Кириан, разрешившись от бремени принятия решения, взял на abordаж лодку, уже занятую Агафоном.

– За магом – как за каменной стеной... – бормотал он под нос, торопливо перекидывая через борт свой капризно звеняще-бренчащий багаж. – Как раз, то, что нам надо над морской пучиной...

Сама собой переползшая на колени ему лютня невзначай зазвенела, бледные губы зашевелились в такт, пальцы тронули струны, и ода Агафонику Великому была уж тут как тут:

Когда корабль несло на рифы,
Казалось нам – ко дну пойдем,
Явился маг, словно из мифа,
И защитил нас пузырем.
Так улыбнулась нам фортуна,
Так превратились мифы в быль.
И здесь у нас в центре тайфуна
Великий маг и полный штиль!

– Гребцы – на правую шлюпку на весла!!! – чуждый волшебному миру искусства, гаркнул Гильдас, и шестеро матросов резво скакнули в лодку, зависшую в нескольких метрах над впавшими в ступор волнами.

– Эссельте, деточка, туда, скорей туда! – Огрин торопливо потянул за руку замешкавшуюся в дверях испуганно-бледную принцессу к полуспущенной шлюпке, и тут случилось непредсказуемое.

Агафон приосанился, принял героическую позу вершителя судеб человеческих в изгнании, многозначительно-томно оперся на посох, и послал потерянной и дрожащей принцессе сногшибательный взгляд. Та ойкнула и покачнулась.

– Не бойся, Эссельте! – взмахнул рукой студиозус с видом покорителя всех гаурдаков вместе взятых, дарующего прекрасной даме Белый Свет и шестивесельную шлюпку в придачу. – Этот купол – потрясающе прочный, по-другому у меня получиться не могло! Но если тебе всё-таки страшно, то я могу увеличить покрываемую им площадь в полтора... нет, в два раза! Чтобы он доставал до тех скал на пляже! Гляди!

Не прекращая глупо ухмыляться от уха до уха, Агафон воздел к небу посох и протяжно выкрикнул несколько слов.

Эрл встревожился.

– Зачем это ты...

Но договорить ему не пришлось.

С последним звуком, вылетевшим изо рта специалиста по волшебным наукам, вибрирующий от натиска обезумевшей бури кокон спокойствия внезапно разорвался, как шарик, приземлившись на кактусовую рощу. И огромная волна с исступлением, накопившимся за несколько минут бездействия, обрушилась на правый борт, подобно сокрушительному кулаку обезумевшего морского гиганта. Не успели люди и глазом моргнуть, как шлюпку с горничными и гребцами сорвало с крюков лебедки, будто осенний лист. Еще секунда – и лодка, разбрасывая доски, весла, матросов и пассажиров, с треском приземлилась на песчаном берегу острова.

Каравелла не была так удачлива. Удар неистового вала снял ее с рифа, словно невесомую пушинку, и отшвырнул не в безопасность берега, а в беснующуюся толчею волн. Подхваченный радостно и хищно одной, другой, третьей, четвертой истерзанный корабль уже не сопротивлялся. Быстро теряя остатки снастей и плавучесть, он метался по бескрайнему пространству, кипящему пеной и встающей на дыбы взбесившейся водой, уносясь от берега, едва не ставшего его спасением, всё дальше и дальше...

Чьи-то сильные руки выдернули застывших от ужаса чародея и музыканта из шлюпки, протащили по скользким, уходящим из-под ног доскам, и с захлестнувшей палубу волной они влились по ступенькам трапа через оставленный открытым люк прямо на нижнюю палубу.

Волшебник приземлился головой вниз. Мгновение спустя сверху его приложил арфой и собственной грузной персоной Кириан. Импровизированная куча-мала была припечатана к палубе их спасителем – Олафом.

Отплевываясь и хватая спертый воздух сипящими ртами,¹² несостоявшиеся утопающие едва успели осознать, что произошло и возблагодарить высшие силы, как кто-то снова ухватил их за шкирки и рванул, бесцеремонно проталкивая в следующий люк.

– Быстрее!!! Все на помпы!!! У нас пробойна!!! Мы тонем!!! – истошно проорал незнакомый голос.

– Т-тонем?.. – панически хлопнул остатками забортной воды трубадур и мягко погрузился в обморок.

– Т-тонем?! – подскочил Агафон, хватаясь за матроса в серой рубахе одной рукой.

В другой он крепко-накрепко сжимал посох, пульсирующий цветом морской волны. На лбу его медленно вспухала шишка. В глазах, всё еще слегка расфокусированных и изумленных, медленно гасли искры жесткой посадки и разгорались шальные зарницы великих дел.

– Т-тогда мой длюг... длюг... длюгл... как просисисифинального... просифисионального... фесинального... мага... спасти вас! – озарилось светом грядущих побед его лицо. – Я как раз з-знаю... одно подходящее... з-злаклинание...

– Нет!!! – вырвалось сразу из нескольких глоток.

– Не нужно благородностей! – едва не теряя равновесие, мотнул он головой и щедро оросил окружающих спреем холодной воды, сорвавшимся с волос. – Я бескорытен! Где ваша прибойна? Несите ее сюда!

– Не надо, не надо нас спасти, всё и так очень плохо, – попытался успокоить его матрос в синем платке, но его премудрие, почуявшее новое поле применения своих магических возможностей, было уже не остановить, как девятый в девятой степени вал.

Оттолкнув доброго моряка, он откачнулся по всем законам физики в другую сторону, срикошетил о кривоzubого матроса, выпрямился, был отброшен качкой назад, отскочил от

¹² Причем агафонов сипел: «К-кабуча!.. Идиот!.. Болван!.. Дебил!.. Склеротичный кретин!.. Толщина, а, следовательно, эффективность защитного поля обратно пропорциональна общей защищаемой площади!.. Кабуча габата апача дрендец!!!!..»

Олафа и, нацелившись на лету на уходящие круто вниз ступеньки, с криком «Спасайтесь, я иду!» бросился кувырком на борьбу с прибоиной.

Если бы не чья-то широкая мускулистая спина, приземление вдохновенного кудесника было бы гораздо более холодным и мокрым.

– К-кабуча!.. – выругался Агафон, и ловко вскочил на ноги – по колено в забортной воде.

Комментарии капитана, вынырнувшего парой секунд позже из ледяной грязной мути, литературному описанию не поддавались.

– Давай, шевелись! – гаркнул сверху матрос в серой рубахе, раздраженно отпихнул в сторону чародея, потерянно застывшего у подножия трапа, снова невзначай роняя его на капитана. – Помпы под баком!

– Под баком, под кастрюлей, под сковородкой – ты не умничай, ты пальцем покажи! – возмущенно выпрямился Агафон, истекая водопадами незваного балласта не хуже кипящего от злости Гильдаса.

– Это ТАМ!!! – прорычал капитан, и могучим тычком отправил налево едва не споткнувшегося о собственный посох волшебника. – Где все матросы!!!

При свете нескольких водонепроницаемых ламп из зеленоватого морского стекла единственное, что смог разглядеть чародей, были копошащиеся в почти полной тьме промеж плавающих ящиков и корзин мокрые фигуры.¹³

– Никаких условий для эффективного труда... – угрюмо буркнул маг, хлюпнул посохом о скрытое под слоем воды днище, и тусклые корабельные лампы вспыхнули ослепительным белым светом.

Застигнутые врасплох матросы выпустили из рук ручки насосов, капитан схватился за сердце и осел на самую нижнюю ступеньку трапа, моряк в серой рубахе вскинул ладони к глазам, ступил мимо лестницы, и со звучным плюхом загремел в воду.

Единственным, кто оценил по достоинству перемену уровня освещенности, стал Олаф.

– Вот так-то луч... – начал было он одобрительно с верхней части трапа, как вдруг все светильники разом взорвались со звонким грохотом, осыпая замершую внизу команду стеклянной пылью, будто исчерпав за минуту весь положенный им запас прочности.

– Кабуча габата апача дрендец!..

– АГАФОН!!!!

– Серафима, я сейчас, я что-нибудь придумаю!..

– Не надо что-нибудь!!! Свет включи!!!

– А, ну да!..

Маг снова выругался – замысловато и кучеряво, выкрикнул нужное заклинание, и над головами гвентян, растерянно бултыхающихся в угрожающе прибывающей воде, засветился желтый шар размером с большой арбуз.

¹³ Которые, если дотошно отнестись к вопросу, могли бы вполне оказаться как упомянутыми матросами, откачивающими воду из трюма, так и не менее часто вспоминаемыми морскими демонами, воду в трюм нагоняющими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.